

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 ноября 2020 г.

Аннотация: анализ статистических материалов показывает, что в канун революции 1917 г. сельское хозяйство Воронежской губернии имело устойчивую тенденцию роста. Мировая война радикально не ухудшила состояния производственной базы сельской экономики. Возникновение продовольственных дефицитов было следствием ошибок властей при попытках регулирования продовольственного рынка. Продовольственный дефицит стал важнейшим фактором кризиса монархического государства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Воронежская губерния, продовольственный дефицит, самодержавие, политический кризис.

Abstract: the article analyzes the state of agricultural economy of the Voronezh region before and during the World War I. Such an economy evidently began to grow and positive tendency was evident even at war times. The deficit of bread and another food was a result of non-effective economic measures of central and local administration. Such mistakes became the decisive factor of the political crisis of the Russian monarchy.

Key words: agricultural economy, Voronezh region, shortage of food supply, Russian Autocracy, political crisis.

О причинах падения российской монархии историки сказали, казалось бы, все. Тем не менее истоки революционных потрясений 1917 г. долго еще будут оставаться предметом острых дискуссий и пристального анализа. Как и почему так стремительно разрушилось самодержавное государство, имевшее многовековую историю и глубокие социальные корни? В памяти современников еще свежи были народные восторги и массовые торжества, посвященные трехсотлетию Дома Романовых. Но спустя всего четыре года династия бесславно погибла. И тот же народ не проявил желания встать на ее защиту. Был ли столь скорый и трагический конец монархии неизбежным? Какую роль в тех роковых событиях играли конкретные ошибки конкретных персонажей? Что в конце концов окончательно расшатало государственный организм громадной страны? Размышляя над этими вопросами, стоит присмотреться к социально-политическим процессам в русской провинции, в том числе в Черноземном центре.

Хорошо известно, что сильнейшим ускорителем крушения монархии в России стала Первая мировая война. Войны всегда несли и, к несчастью, продолжают нести людям неисчислимы страдания. Нет нужды объяснять природу этих страданий. Наряду с этим надо отметить, что начавшееся с 1914 г. трехлетие отличалось нарастанием исключительно противоречивых процессов, не раз создававших парадоксальные социальные ситуации. Народная молва реа-

гировала на эту противоречивость известным изречением: «Кому война, кому мать родная». На военных поставках баснословно наживались тысячи дельцов, множество интриганов сумело приобрести в годы военной трагедии крупные политические капиталы.

Очень сложное социально-экономическое положение сложилось во время мировой войны в аграрных районах России, в том числе в Центральном Черноземье. Вплоть до начала мировой войны в экономике Воронежской губернии полностью доминировало сельское хозяйство. Около 90 % жителей, численность которых к 1914 г. превысила 3,5 млн человек, проживали в сельской местности. Между тем даже советские историки, которых нельзя заподозрить в симпатиях к царскому времени, признают, что аграрный сектор российской экономики в годы войны продолжал функционировать вполне уверенно. Как отмечал А. Л. Сидоров, урожай 1915 г. был очень хорошим, в 1914 и 1916 гг. – несколько слабее, но все же никак не хуже успешных в довоенные годы. С учетом резкого падения экспорта зерновых баланс хлебов в стране сводился ежегодно с большим плюсом. За четыре года (1913–1916) избыток хлебов в империи составил 1362,1 млн пудов. Хлеба, подчеркивает исследователь, «в стране было достаточно, чтобы обеспечить армию и население» [1, с. 468]. Эта общая оценка никем из серьезных исследователей сомнению не подвергалась.

Ситуация в Воронежской губернии из общей картины не выпадала. По данным губернского статистического комитета, в 1914 г. урожай продовольственных культур в губернии был несколько хуже,

чем в 1913 г.: без картофеля и овса около 88,6 млн пудов. Урожайность по губернии составила сам-7,0 по озимым культурам и сам-5,0 по яровым. Отдельно с крестьянских земель собрано 59,2 млн пудов. Примерно 11 млн пудов необходимо было выделить на семена следующего сельскохозяйственного года, поэтому на продовольственное обеспечение крестьяне из своих ресурсов могли оставить около 48,2 млн пудов, т. е. примерно по 15 пудов на едока. Кроме того, крестьяне в первом военном году собрали около 22,7 млн пудов картофеля, или по 7 пудов на человека [2, с. 12]. Таким образом, обеспеченность деревенского населения в 1914 г. можно признать вполне удовлетворительной, так как продовольственной нормой считались, по подсчетам профессора А. В. Чаянова, 18 пудов зерновых на человека в год, а три пуда картофеля по питательности приравнивались к одному пуду ржаного хлеба. Понятно также и то, что для обеспечения городского населения хлеба хватало с избытком. Даже если учесть, что в связи с войной численность горожан увеличилась и достигла в середине 1916 г. примерно 170 тыс. человек, то простой подсчет показывает, что для пропитания городов требовалось не более 4 млн пудов. Следовательно, около 25 млн пудов хлебов были избыточными, из которых около 4 млн пудов было закуплено для снабжения действующей армии.

Очень успешным для аграриев Воронежской губернии выдался 1915 г. Урожайность озимых хлебов составила сам-8,6, а общий сбор зерновых без картофеля и овса – почти 114,5 млн пудов. При этом отдельно крестьяне собрали 99,4 млн пудов, что давало после вычета зерна на семена почти по 26 пудов на едока. Кроме этого, крестьяне собрали 33,4 млн пудов картофеля (по 10,1 пуда на человека) [там же, с. 21–22]. Следует учесть также, что в губернии имелся неизрасходованный запас хлебов в 7,1 млн пудов. Таким образом, товарный избыток хлебов в Воронежской губернии был никак не меньше 45–50 млн пудов. Несколько менее успешным, но также в общем благополучным по урожайности выдался 1916 год. По данным, собранным известным воронежским экономистом А. Н. Татарчуковым, рожь в том году дала с десятины по 68,2 пуда, озимая пшеница – 74,3 пуда, а общий сбор хлебов был неплохим, не ниже средних показателей предвоенного времени [3, с. 25].

Словом, все основные производственные показатели аграрного сектора экономики не должны были внушать тревоги. Продовольствие в губернии было. Конечно, без обусловленных войной материальных потерь не обошлись и воронежские земледельцы. В армию было мобилизовано около 400 тыс. крестьян трудоспособного возраста. В сельское хозяйство губернии направлялся труд военнопленных, но серьезного значения в компенсации сокращения

людских ресурсов они не имели. По данным губернатора М. Д. Ершова, на 17 февраля 1917 г. в пределах губернии трудились 15 098 пленных, в том числе на сельскохозяйственных работах 12 760, в основном этнических славян из Австро-Венгрии. Всего же в России к тому времени было свыше 1 млн пленных. Поэтому резко возросла трудовая нагрузка на женщин, подростков и стариков. Для военных нужд было реквизировано большое количество лошадей и крупного рогатого скота. Тем не менее производственный потенциал сельского хозяйства губернии в целом успешно справлялся с перегрузками военного времени. Это обстоятельство лишнее раз убеждает в своевременности и целесообразности реформаторских усилий П. А. Столыпина и его сторонников.

Хорошо известно, что сильнейшим ускорителем крушения монархии в России стала Первая мировая война. Сельское хозяйство Воронежской губернии (как, впрочем, и всей России) война застала на этапе развернувшейся реконструкции. Столыпинская аграрная политика, начавшаяся со знаменитого указа 9 ноября 1906 г., была направлена на рационализацию сельской экономики и оздоровление социальных отношений в деревне. Выход из общины крепкого, энергичного и трезвого крестьянина должен был решительно изменить облик русской деревни. Так, во всяком случае, полагали творцы нового аграрного курса [4, с. 169].

Надежды реформаторов не были беспочвенными. Переход все более значительной части крестьянства на позиции частного землевладения, а также ускорившийся распад общинного строя вели к устойчивому росту производительных сил деревни. За 7–8 лет реформы около 20 % воронежских крестьян-домохозяев решили расстаться с общиной и закрепили причитавшиеся им наделы в частную собственность. Одновременно производство сельскохозяйственной продукции в Воронежской губернии выросло примерно на 25–30 %, причем этот рост был достигнут главным образом за счет повышения урожайности и применения прогрессивных приемов землепользования на крестьянских полях. Приватизация части общинных земель вела к более рациональному использованию рабочей силы, избыток которой в Воронежской губернии стал особенно ощутимым в начале XX в. В губернии более успешно пошло развитие промыслов, ускорился рост городской промышленности и торговли.

Но у столыпинского аграрного курса был очень рискованный социальный аспект. Усилилось имущественное размежевание крестьянства. Поскольку хозяйственный успех сопутствовал «трезвому и крепкому» меньшинству, постольку в среде общинного большинства обострились настроения недо-

вольства экономическим положением. Традиции уравнительного общинного землепользования никак не соответствовали стремлениям «новых помещиков» (так со злой иронией крестьяне-общинники называли своих односельчан, выделявшихся из общины на отруба или хутора) достичь материального благополучия на основе частного хозяйства. В условиях мировой войны, когда миллионы крестьян пришлось призвать в армию, этот аспект аграрного реформирования становился опасным вдвойне.

Следует учесть также, что в войну Россия вступила в эпоху глубоких перемен в государственном строе. Основы самодержавия были подорваны в ходе революции 1905–1907 гг. Оппозиция получила широкие возможности для критики правительственной политики. На протяжении многих веков русское общество не имело никаких легальных возможностей для контроля над монархической властью. Теперь оно брало своеобразный реванш. Даже во время войны Государственная дума открыто обсуждала вопрос о «правительстве народного доверия», многие ораторы старались убедить страну, что правительство Николая II не способно обеспечить победу и ведет государство к катастрофе. Резонанс от такой конфронтации проникал в самые широкие слои общества, беспокоил и возбуждал крестьянские массы. Германскому блоку противостояло не сплоченное вокруг сильного правительства общество, а пораженные эрозией внутреннего раскола социально-политические группировки.

Учет этого обстоятельства важен для понимания тех сложных общественно-политических процессов, которые происходили на территории Воронежской губернии накануне грандиозных революционных потрясений. Взгляд историка еще не раз будет обращаться к тем тревожным дням. В фонде губернского по земским и городским делам присутствия Государственного архива Воронежской области (далее – ГАВО) хранится ряд чрезвычайно интересных и содержательных документов, проливающих дополнительный свет на сложные события предреволюционной поры. По ряду причин эти материалы до сих пор оставались на периферии исследовательского внимания. К числу таких источников следует отнести обширный протокол весьма представительного совещания, созванного губернатором М. Д. Ершовым в январе 1916 г. Виднейшие предприниматели и общественные деятели обсуждали вопросы устранения дефицита продуктов первой необходимости. Кроме того, участники говорили о способах борьбы с их дороговизной. Около 30 листов убористого машинописного текста содержат любопытные и при этом вполне достоверные сведения об экономическом положении губернии. Здесь же можно найти информацию о действиях местных властей, на плечи которых

свалился тяжелый груз социально-экономических проблем.

Поводом для созыва совещания стала телеграмма министра внутренних дел А. А. Хвостова, отправленная руководителям центральных губерний России 1 января 1916 г. В ней министр сообщал об обеспокоенности монарха разгулом спекуляции на внутреннем рынке. Николай II считал, что действия торговцев и предпринимателей могут быть расценены как непатриотические. Поэтому император потребовал от министра «обратить внимание местных властей на необходимость в настоящее время самой решительной и планомерной борьбы с возрастающим в стране недостойным переживаемого момента взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» [5, л. 124]¹. Если судить по смыслу этой фразы, то очевидно, что Николай II был уверен: в России достаточно «продуктов первой необходимости». Значит, причины роста цен, по его мнению, коренились в «недостойных» явлениях субъективного порядка, что и предстояло выяснить местным властям. Исполняя царскую волю, губернатор собрал весьма представительный круг заинтересованных лиц. На совещании присутствовали практически все влиятельные чиновники губернского правления, руководители земской управы, видные предприниматели, специалисты сельского хозяйства.

Прежде всего, участники встречи констатировали очень быстрый рост цен на предметы первой необходимости. Собранные с мест сведения показывали, что по основным видам продовольствия цены за полтора военных года поднялись очень существенно. Так, в Бобровском уезде пуд пшеничной муки 2-го сорта стоил до войны 1 р. 30 к., теперь его цена поднялась до 3 р. 50 к., т. е. более чем в два раза, цена пуда подсолнечного масла поднялась с 5 р. до 8 р. 80 к., пуда керосина – с 1 р. 65 к. до 2 р. 60 к., соли – с 35 к. до 50–55 к. и т. п. (Л. 18).

Очень сильно выросли цены на мясные продукты. Из Валук сообщали, что «повышение цен распространилось положительно на все предметы потребления, главным же образом чрезмерно повысилась цена на предметы, перевозимые по железной дороге» (Л. 19). Выступивший на совещании председатель Воронежской уездной земской управы Н. А. Александров сообщил о следующей динамике цен в своем уезде: пшеничная мука 1-го сорта подорожала с 2 р. (довоенный уровень) до 3 р. 80 к., подсолнечное масло – с 4 р. до 8 р., сахар – с 16 к. за фунт до 22–27 к. (Л. 134). Информация аналогичного содержания шла из всех уездов.

¹ В дальнейшем ссылки на этот документ даются в тексте статьи только с указанием номера листа.

Такое положение было тем более печальным, что урожаи военных лет, как отмечено выше, были в Воронежской губернии вполне благополучными. Продовольственные запасы не должны были вызывать опасений. По словам Н. А. Александра, «Воронежское уездное земство пришло к убеждению, что население Воронежского уезда благодаря хорошему урожаю в достаточной мере обеспечено рожью, просом и картофелем, т. е. предметами, которые оно не покупает» (Л. 134). Иными словами, продовольствие в губернии было, а цены тем не менее быстро росли, что не могло не вызывать острого недовольства со стороны горожан. Кроме того, городская торговля стала испытывать дефицит продовольственных товаров. Мясные продукты поступали в продажу с перебоями, а за хлебом и сахаром стали выстраиваться очереди, чего не наблюдалось в довоенное время. Сельские жители, в свою очередь, жаловались на исчезновение из продажи многих необходимых материалов и промышленных изделий или на их непомерную дороговизну.

Как же участники совещания определяли причины растущей дороговизны? Многие выступавшие сразу же отметили, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Видный торговец С. В. Типцев, например, заявил, что необходимо найти способы ограничения подобных сверхприбылей. Он предлагал «ограничить пользу промышленности и торговли не более как 50 %». На удивленные реплики из зала по поводу величины таких доходов Типцев заметил, что «в настоящее время некоторые промышленники берут 300, 400 и даже 500 %». Опытный купец хорошо знал положение дел и, будучи разумным предпринимателем, предлагал строго наказывать дельцов, готовых, не считаясь с войной, гнаться за бешеной наживой. Проследить же за сверхдоходами мог бы, по его мнению, биржевой комитет (Л. 126). Но основной причиной появления дефицитов и стремительного роста цен участники совещания признали неумелое вмешательство администрации в механизмы рыночной экономики. Вскоре после начала войны правительство потребовало от местных властей жестко контролировать ценовую ситуацию. Угроза развития спекуляции была вполне реальной.

Первой реакцией уездных и городских управ стали призывы к вышестоящим властям ограничить рост цен административным порядком. Например, Павловская городская управа не раз получала отказ хозяев Нижнекисляйского сахарного завода на просьбу продать городу сахар по «приличной» цене. Руководители акционерного общества сахарного завода действовали очень просто: они сообщали городским властям, что сахара у них нет, а скорые его поставки

не предвидятся. Ответной реакцией городских властей стало их прошение в адрес губернатора следующего содержания: «Городская управа имеет честь просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о продаже означенным заводом городскому управлению на текущий январь месяц 1000 пудов сахарного песка по 5 р. 63 коп. за пуд для продажи населению по заготовительной стоимости его» (Л. 156).

Точно так же Богучарская городская управа в январе 1916 г. просила губернатора установить твердую цену на муку «сообразно с действительными ценами на хлеб в зерне, а именно с ценой пшеницы в среднем выводе в 1 р. 40 к. за пуд». С отделением одной трети отрубей и с надбавкой к цене пшеницы 12 к. за помол средняя цена пуда пшеничной муки должна была, по подсчетам богучарских властей, составлять 2 р. 4 к. Пусть, просили они, мука первого сорта стоит 2 р. 24 к., а второго – 1 р. 84 к. (Л. 177). Таких прошений было немало. Поэтому воронежский губернатор, как и его коллеги в большинстве регионов, должен был издавать обязательные распоряжения, в которых устанавливались предельно допустимые цены на самые необходимые для населения товары. Такие таксы вводились каждые три месяца.

Реакция потребительского рынка была вполне закономерной: товары, на которые устанавливались жестко ограниченные цены, стали просто исчезать из продажи. Купить их было можно только из-под полы и по взвинченной цене. Вводя таксы, губернаторы, конечно, не учитывали ни роста транспортных расходов, ни изменившегося спроса. Таксированные цены могли не покрывать (и, как правило, не покрывали) реальных затрат производителей и торговцев. Кроме того, товары такого рода попросту придерживались производителями, так сказать, до лучших времен. Это касалось в первую очередь продовольствия. Очень важно отметить, что из-за установленных такс цены на различные товары изменились по-разному. В уже упоминавшемся выступлении Н. А. Александра приведена таблица сравнения довоенных цен с ценами 1916 г. Из нее следует, что цены на основные продукты питания выросли примерно на 80–110 %, в то время как на изделия промышленности, таксы на которые не вводились, цены выросли в несколько раз. Например, цены на гвозди, подковы и некоторые другие металлические изделия поднялись в 5–6 раз, на уголь – в 5 раз, на лесные строительные материалы – в 2–3 раза (Л. 134).

Вопрос об экономическом положении деревни вызвал на совещании самый оживленный интерес. Разумеется, все присутствовавшие прекрасно понимали, что мобилизация в армию больших масс крестьян самого трудоспособного возраста поставила многие семьи в трудное положение. Правда, специ-

алисты давно уже отмечали в черноземной деревне рост избыточного аграрного населения. По данным официальной статистики население Воронежской губернии в 1914 г. достигло 3,7 млн человек. Эта цифра на 1,3 млн превышала данные первой Всероссийской переписи 1897 г. Причем больше всего выросло сельское население, доля которого по-прежнему в губернии существенно превышала 90 %.

Поскольку в Черноземном центре давно уже отмечался рост относительной аграрной перенаселенности, постольку мобилизация не привела к расстройству крестьянских хозяйств. В официальном отчете об экономическом положении Воронежской губернии за 1915 г. отмечалось: «Несмотря на обстоятельства военного времени, особенно острого недостатка в рабочих силах нигде не испытывалось. У крестьян применялась усиленная работа женщин, подростков и стариков и в довольно широких размерах практиковалась взаимопомощь; во владельческих (т. е. помещичьих. – М. К.) хозяйствах было труднее, потому что цены на рабочие руки стояли весьма высокие, хотя во многих экономиках применялся труд военнопленных». Однако, повторяем, на фронт ушли самые работоспособные мужчины, отсутствие которых особенно остро ощущалось в короткие страдные недели сева, покосов и уборки урожая. Трудовые нагрузки на женское население существенно возросли [6, с. 227]. Власти пытались смягчить ситуацию, направляя в хозяйства губернии военнопленных. Но существенного влияния на экономику деревни эта мера оказать не могла. В 1915 г. в сельском хозяйстве губернии трудились лишь около 8 тыс. военнопленных, главным образом, чехов, словаков и венгров. Примерно две трети военнопленных эксплуатировались в частновладельческих, т. е. помещичьих, хозяйствах.

Нужно учесть также, что во время войны темпы проведения столыпинского землеустройства резко замедлились. Оставшиеся на хозяйстве крестьянки боялись выходить из общин и в отсутствие мужей не хотели брать на себя ответственность и риски, связанные с приватизацией наделной земли. Однако около 80 тыс. крестьянских хозяйств успели сменить характер землепользования, еще около 50 тыс. домохозяев обратились в землеустроительные комиссии с просьбой о проведении технических работ по выделению наделов из общинных владений. Перестройка деревенской жизни, пусть в резко замедленном темпе, но все же продолжалась и в годы войны. Опыт же предшествующих лет убеждал, что экономические возможности крестьян, ушедших из общин, существенно повысились. Подъем экономических возможностей крестьянских хозяйств вызвал весьма неожиданные и опасные для властей последствия. В большинстве своем крестьяне в военные годы стали

обеспечивать потребности своих семей в продовольствии, что, в свою очередь, привело к решительным переменам в их отношении к ценам на сельскохозяйственную продукцию.

Хорошо известно, что вплоть до столыпинских преобразований общинное крестьянство было заинтересовано в сохранении низких цен на хлеб. Такое внешне противоестественное отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось элементарной скудостью материальных ресурсов пореформенной деревни. Осенью крестьяне должны были погасить разнообразные задолженности по налогам и повинностям, а весной не менее половины из них даже в благополучные годы должны были покупать недостающее для пропитания зерно. Так как крестьяне оставались массовыми покупателями хлеба, цена на продовольственные товары в России оставалась многие десятилетия очень низкой. Но это означало, что общинное крестьянство ориентировалось, прежде всего, не на рынок, а на внутреннее потребление. Низкие цены давали возможность крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей. На данное обстоятельство обращали внимание еще дореволюционные русские исследователи. «Почти двадцать лет тому назад, – отмечал один из них, – у нас возник горячий спор о том, выгодны или невыгодны для трудового хозяйства высокие цены на хлеб. Защитники низких цен ссылались на то, что крестьянское хозяйство – потребительское, что миллионы крестьян покупают хлеб» [7, с. 13].

Январское совещание констатировало, что отношение крестьян к ценообразованию во время войны изменилось самым радикальным образом. В процессе столыпинского реформирования целевые установки крестьянской экономики стали все прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Можно считать, что выходящий из общины крестьянин-собственник все более определенно менял целевую установку своей хозяйственной деятельности. Его главной задачей становилось не обеспечение продовольственной безопасности собственной семьи, а повышение доходности своего хозяйства. Участвовавший в работе совещания коммерсант И. В. Мещеряков обратил внимание на то, что укрепление материальных возможностей крестьян совпало с резким повышением спроса на их продукцию. В мясе, масле, яйцах, молоке и других продуктах нуждаются горожане, армия, многочисленные беженцы. Последних в Воронеже собралось до 80 тыс. В таких условиях у воронежских крестьян стала быстро укореняться рыночная психология. «Торговец яйца продает по 50–60 копеек, – говорил Мещеряков, – и у крестьянки точно так же дешевле не купите. Молочница гово-

рит вам: по прежней цене я вам носить не буду, потому что в госпитале у меня по какой угодно цене берут». Тяготы военного времени быстро изменили ценность крестьянского труда. «Теперь крестьянин, который имеет лошадку, зарабатывает 6–7 рублей в день, и таким образом нам от них ждать дешевых цен не приходится» (Л. 128).

За этими сговорами Мещерякова скрывался факт драматического и давнего антагонизма интересов города и деревни. На протяжении десятилетия пореформенного развития отечественная промышленность и пути сообщения поднимались не вместе с сельской экономикой, а за ее счет. Низкая доходность земледельческого труда являлась одним из решающих условий накоплений, необходимых для роста молодой российской индустрии. Но чрезвычайные обстоятельства военного времени неожиданно и круто изменили положение дел. Не без доли злорадства крестьянство считало, что оно, во всяком случае, продуктами обеспечено, а городские потребители пусть теперь расплачиваются за долгую экономическую дискриминацию деревни.

Между прочим, традиция потребительского отношения со стороны властей к нуждам русских аграриев сохранялась, хотя и без большого успеха, и в годы мировой войны. На совещании эта важная проблема звучала при оценке ошибок центральной и местной администрации в борьбе со спекуляцией. Так, городской гласный и председатель продовольственной комиссии городской думы М. Н. Литвинов со всей определенностью говорил, что в Воронежской губернии (и не только в ней одной!) не было объективной почвы для появления дефицитов. На съезде представителей городов Литвинов сказал: «Точно было установлено: причин повышения цен на предметы продовольствия в России нет и не должно быть». До войны Россия вывозила громадное количество зерна за границу. Гласный назвал цифру в 700 млн пудов в год. При этом в 1914 г. на нужды армии было закуплено 300 млн пудов, а в 1915 г. – 600 млн, т. е. существенно меньше ежегодного довоенного экспорта. Теперь поставок за рубеж практически нет. Литвинов считал также, что ни повышение стоимости рабочей силы, ни транспортные издержки не могли серьезно повлиять на ценовую ситуацию. Наша же губерния «в смысле обеспечения продуктами первой необходимости не нуждается ни в чем, за исключением антрацита, все остальные продукты воронежская губерния вывозила не только в другие районы, но и вывозила за границу. У нас вопроса обеспечения продуктами первой необходимости нет, у нас есть только вопрос борьбы со спекуляцией». Но если цены все-таки сильно выросли, значит, решающую роль в таком печальном развитии ситуации сыграли субъективные просчеты властей. Литвинов так и сказал:

«Оказала влияние на повышение цен неумелая постановка дела» (Л. 130).

В чем же, по мнению председателя продовольственной комиссии, эта неумелость проявилась? Большинство участников совещания сошлось на том, что очень сильно осложнила социальную ситуацию в стране попытка искусственного сдерживания цен на продовольственные товары с помощью введения так называемых такс или предельно допустимых цен. При этом цены на промышленные товары практически никак не сдерживались. «Не соображаясь ни со стоимостью товара, не соображаясь с теми этапами, которые нужно было пройти, – заявил, в частности, участвовавший в совещании профессор СХИ Н. П. Макаров, – эта такса, нарушившая обычный товарооборот в стране, разрушила более или менее правильную организацию передачи товара» (Л. 132). Иначе говоря, крестьяне попросту не желали продавать свою продукцию по фиксированным ценам.

Как это ни парадоксально, до войны и до проведения аграрных реформ большинство воронежских крестьян испытывало острый недостаток денег и вынуждено было продавать свою продукцию по крайне заниженным по сравнению с промышленными изделиями ценам. Теперь же положение изменилось самым радикальным образом. Руководитель Воронежской городской управы Г. А. Пуле горько шутил, что французский король Генрих IV мечтал о том, чтобы каждый его подданный раз в неделю имел курицу в супе. «Каждый крестьянин может каждый день кушать не только курицу в супе. Мы слышим, как на базаре крестьянин говорит: не дашь мне за индейку 5 р., я сам ее дома съем. Значит, он может кушать не только курицу, но и индейку» (Л. 132).

Крестьяне, отмечал городской голова, сейчас предпочитают не продавать скот, а, наоборот, покупать его, сделать его запасы, «значит ясно, что запасы денег существуют. Крестьяне держат этот скот, не продают его в город, ясное дело, что цены на мясо должны повышаться... Но нам нужно подумать о том, что нам здесь делать для того, чтобы цены на продукты первой необходимости в Воронеже держались на известном уровне. Я только что сказал, что крестьяне не нуждаются, они желают, чтобы у них цены на сырые продукты стояли высокие, но они заявляют, что вот железо стало слишком дорого». Пуле, таким образом, четко определил, что основную причину продовольственных трудностей горожан и быстрого ухудшения социально-политической ситуации надо искать в просчетах правительства. Во время войны нельзя было безнаказанно продолжать вести одностороннюю экономическую политику. А именно так можно было расценить административное регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию. Ничего, кроме вреда, избыточное администрирование

в сфере экономики не дает. «Вот если бы, – продолжал Пуле, – при помощи железных дорог удалось бы доставить это мясо, то цены должны будут упасть... Я думаю, что если бы со спекуляцией бороться не тем, чтобы устанавливать таксы, а тем, чтобы в те места, где эти продукты дороги, привозить из тех местностей, где они дешевы, распоряжением правительства или местных властей по тем ценам, по которым можно сюда доставить, то всякая спекуляция должна будет пропасть в корне» (Л. 133).

О вреде чрезмерного и при этом избирательного контроля властей говорил и Н. А. Александров. «Цены, – подчеркнул он, – повышаются исключительно в городе Воронеже, все регулируется в городе, и к этому чутко прислушивается деревня». Председатель уездной управы привел колоритный пример: «Не далее, как вчера – один из священников рассказывал, как он поехал в Усмань, где продавались поросята по 3 рубля, ему показалось дорого, он поехал в Воронеж, но оказалось, что в Воронеже они 6 рублей, и когда он вернулся, уже этих поросят продавали по 6 рублей» (Л. 133).

Такое поведение крестьянства участники совещания признали вполне естественным. Надо было каким-то образом исправлять опасное положение. Но сделать это будет очень непросто. По мнению Л. А. Пуле, решение такой задачи «под силу только тесному единению правительственной власти, общественных учреждений и самого общества, в виде кооперативов и обывательских комитетов» (Л. 138). Но такого единения не было.

Если судить по материалам совещания, то общее ухудшение экономического положения в губернии парадоксальным образом сочеталось с заметным ростом денежных доходов крестьянства. Некоторые ораторы обращали внимание на то, что в распоряжении крестьян оказались весьма внушительные средства. В одном только Коротоякском уезде (а уезд этот был одним из самых малых в губернии) крестьянам за полтора года войны было выплачено около полутора миллионов рублей в качестве ежемесячных субсидий за ушедшего на фронт призывника. Кроме того, около миллиона рублей сэкономили крестьяне из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спиртных напитков. Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, – доносил в октябре 1914 г. Богучарский уездный исправник, – все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде не было» [8, л. 33].

Донесения подобного рода в военную пору шли регулярно практически от всех уездных исправников. По точному наблюдению современного исследователя, для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: в их семьях наступил покой, а возросшие денежные остатки порождали чувство небывалой прежде комфортности. «Как признавались сами солдатки, до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем да шелковым платочком. Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и куда тратить деньги... В этих условиях понятными становятся слова одной из солдатских жен, услышанные корреспондентом «Тамбовского земского вестника» в августе 1916 г.: “Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, Господи, чтобы война эта подольше прошла”» [6, с. 246]. Конечно, на такое экстравагантное пожелание могла отважиться лишь очень самолюбивая натура. Но сам по себе этот факт примечателен. Почва для таких настроений была и в Воронежской губернии.

Определенной программы преодоления спекуляции совещание выработать так и не смогло. Мнения участников расходились по многим вопросам, в том числе по проблеме установления твердых цен. Одни ораторы настаивали на сохранении такс, хотя и признавали необходимость их более гибкого или, напротив, твердого, но, во всяком случае, более умелого применения. Представитель военного командования Ф. И. Бочковский, в частности, признавал недостатки такс, но считал, что в качестве чрезвычайной меры они должны неукоснительно соблюдаться. «Я глубоко убежден, – заявил он, – что при настоящем положении мясного рынка, если бы в тех местах, где ощущается недостаток мяса, завтра были обысканы склады, – а я слышал, что запасы есть, – и запасы эти были бы реквизированы, а торговцы были бы лишены права продолжать торговлю, это имело бы несомненное влияние» (Л. 151). Генерал, таким образом, обращал внимание на нерешительность и неэффективность властей.

Другие, напротив, подчеркивали, что административное вмешательство в ценообразование приносит только обострение дефицитов и фактически только подгоняет развитие теневой экономики. Интересно отметить, что на совещании прозвучали предложения ввести в губернии продовольственную разверстку, т. е. установить для всех крестьянских и частновладельческих хозяйств нормы обязательной поставки продукции и при этом по твердым ценам. Правда, такая разверстка мыслилась как мероприятие ненасильственного характера, о введении принудительного изъятия у крестьян излишков продукции речь не шла. Разверстка понималась как жесткое задание всем уездам и волостям по за-

купке продовольствия, причем действовать местные власти должны были, прежде всего, методами убеждения. Следовало разъяснять крестьянам необходимость обязательных поставок продовольствия по твердым ценам ради обеспечения победы, поддержки их отцов, сыновей и братьев, одетых в солдатские шинели.

Январское совещание так и не выработало конструктивной программы борьбы с дефицитами и ростом спекуляции. В 1916 г. негативные тенденции в экономике губернии продолжали нарастать. Политика жесткого регламентирования цен сохранилась и осенью 1916 г. Хлебная биржа в Воронеже перестала действовать. Аналогичная картина наблюдалась и в других городах Центрального Черноземья. Ближайшим следствием такого положения дел стало быстрое нарастание политического кризиса, разрешением которого стало падение монархии в феврале 1917 г.

*Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д., доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917) / А. Л. Сидоров. – М. : Наука, 1973.
2. Сельскохозяйственный обзор Воронежской губернии за 1915 год. – Воронеж, 1916.
3. Татарчуков А. Н. Центрально-Черноземная область. Экономический очерк / А. Н. Татарчуков. – Воронеж, 1925.
4. Карпачев М. Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии : итоги и уроки аграрного реформирования / М. Д. Карпачев // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.* – Воронеж, 1995.
5. ГАВО. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 2207. – Л. 124.
6. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. / П. П. Щербинин. – Тамбов, 2004.
7. Шаховской Д. Крестьянское хозяйство и война / Д. Шаховской // *Вестник сельского хозяйства.* – 1914. – № 34.
8. ГАВО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 405.

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru*